

ТРИ СЧАСТЛИВЫХ ДНЯ

ЯРОСЛАВ ТАМБЕРГ

Ярослав Тамберг

Три счастливых дня

<https://litres.ru/74651477>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Три счастливых дня» — это глубокая, светлая и искренняя повесть о дружбе, верности, ускользающем времени и памяти, способной преодолеть даже самую непроглядную тьму.

В центре истории — пятнадцатилетняя дружба двух врачей: молодого отоларинголога Константина и умудрённого опытом психиатра Николая Леонидовича.

Содержание

ЯРОСЛАВ ТАМБЕРГ	4
ГЛАВА 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Ярослав Тамберг

Три счастливых дня

ЯРОСЛАВ ТАМБЕРГ

ТРИ СЧАСТЛИВЫХ ДНЯ

ГЛАВА 1

Знаете, обычно говорят, что среда — это маленькая пятница. Стало быть, сама пятница — большая, а вечер пятницы — и вовсе пятница в квадрате. Что же тогда четверг? Средняя пятница? Если воспринимать слово «средняя» не как временной промежуток, а как оценку качества — четверг справляется с этой ролью великолепно. Четверг — это вроде бы уже и финишная прямая, но всё равно с неприятным осадком: осознанием, что перед тобой ещё не полноценный конец. Единственная радость четверга заключается в том, что вечером можно с чистой совестью вздохнуть: «Ура, завтра пятница».

Ну а сегодня четверг. И сегодня умер мой лучший друг. Пожалуй, начать стоило с самого начала.

Что ж, меня зовут Константин Александрович, мне сорок

один год. Я врач-отоларинголог в самой обычной городской поликлинике №7 города Екатеринбурга. Женат. Моя супруга Алия, учительница начальных классов, родом из Алматы. Познакомились мы с ней лет двадцать назад, когда оба играли в региональной Уральской лиге КВН: я выходил на сцену за свой мед, она — за свой пед.

Наши команды не добрались даже до полуфинала. С горя моя сборная с нелепым названием «Весёлые стетоскопы» (до сих пор краснею, когда вспоминаю) решила как следует напиться. Компанию нам составили такие же лузеры — команда Алии «Кошмары Цветаевой». Так всё и завертелось. Спустя год мы сыграли свадьбу, а ещё через год на свет появилась замечательная девчонка — наша Снежана.

Сейчас, конечно, Снежана уже далеко не малютка, а взрослая барышня — по крайней мере, сама она в этом абсолютно уверена. Пошла, к слову, по моим стопам: в прошлом году поступила в медицинский, учится на офтальмолога.

Что было между рождением дочери и её поступлением? Да вся жизнь. Окончив институт и ординатуру, я устроился всё в ту же седьмую поликлинику. Там же познакомился с Николаем Леонидовичем, который за следующие пятнадцать лет стал мне лучшим другом.

Николай Леонидович, к слову, очень любил пятницы. Но сегодня четверг... И Николай Леонидович больше не увидит ни одной пятницы.

А теперь — подробнее.

2011 год. Мне двадцать шесть, и это мой самый первый день на работе. У меня собственный кабинет! Я чувствовал дикую смесь волнения, трепета и гордости: я — врач. Впрочем, в состоянии этой экзальтации я пробыл недолго.

В кабинет вошла женщина лет сорока. Тучной её назвать было сложно — скорее слегка плотной, с рыжими кудрями и хитрой, нагловатой физиономией. Знаете, эдакая лиса, которая только что разворошила кроличью нору и сыто обливается.

— Привет, студент. Я Светлана Алексеевна, твоя медсестра. Вот документация, ознакомься.

— Здравствуйте. Вообще-то, Светлана Алексеевна, хочу напомнить: я врач. И согласно медицинской этике вам стоит обращаться ко мне на «вы».

— Ой, иди в жопу!

— В жопу не пойду, а вот покурить сходил бы. Не подскажите, где тут можно выйти на перекур?

— На улицу только. На заднем дворе курилка. Только ненадолго: я за вас, Константин Александрович, работать не собираюсь.

— И правильно. Вы медсестра, а я врач.

Весь этот разговор я старался казаться невозмутимым перед этой хамкой, хотя внутри меня буквально колотило от такой наглости и бестактности.

По пути к заднему двору я выбил в автомате банку «Ред Булла» и вышел на свежий воздух. В те времена я слишком

много курил и глушил энергетики литрами. Поймите правильно: молодой отец, молодой специалист, первая настоящая работа... Денег ни шиша, а ответственности выше крыши. Вот эти вредные привычки и казались мне тогда единственным спасением. Хотя с высоты прожитых лет я отлично понимаю: они не спасали от стресса, а лишь сильнее раздували мою тревогу.

Я курил не спеша, с особым наслаждением растягивая каждую затяжку — возвращаться в кабинет, пока там хозяйничала Светлана Алексеевна, катастрофически не хотелось. Впрочем, это было похоже на какое-то глупое подростковое избегание: работать с ней всё равно придётся, как бы мне того ни хотелось. А не хотелось — мягко сказано.

— Молодой человек, будете этим злоупотреблять — вряд ли ещё раз станете отцом, — раздался рядом спокойный голос.

Я оглянулся. Рядом стоял мужчина лет пятидесяти — крепенький, коренастый, с заметной сединой в волосах.

— Извините, а вы что, фтизиатр?

— Ну, последние четыре буквы вы угадали, — хмыкнул он. — Я психиатр. Николай Леонидович.

— Константин Александрович, — ответил я и протянул руку. Приятно познакомиться, коллега. Я отоларинголог.

— Хм... А не рановато ли «коллега»? Вы тут первый день, а уже врачом себя возомнили.

— Я и есть врач.

— Ну да, ну да... Не считите за снобизм, Константин, но врачом вы станете только спустя год. А пока вы ничем не лучше ординатора.

— Да уж. У вас тут, я смотрю, прям дедовщина.

— Не дедовщина, а житейская мудрость.

— Про сигареты тоже мудрость?

— Она самая.

— Извольте спросить: а почему в таком случае курите вы?

— Ну, мне уже пятьдесят один. Ребёнок у меня есть. А появление внуков от моей репродуктивной системы уже никак не зависит — всё, что требовалось от меня, я сделал. Кстати, рабочий день уже начался. Пройдёмте, Константин.

Как выяснилось позже, Николай Леонидович был абсолютно прав. Весь первый месяц практически всю настоящую работу за меня тащила Светлана Алексеевна. Я тонул в бумажной документации, путался в нелепой рабочей программе и порой тихонько гуглил прямо во время приёма, какие препараты назначают при трахеите. В общем, назвать меня врачом в те дни можно было с великой натяжкой.

Видя мои мучения, Николай Леонидович проявил «коллегиальную заботу». Он по-секрету посоветовал мне купить для Светланы Алексеевны букет её любимых пионов — исключительно в знак благодарности за спасение моей шкуры.

Я так и сделал. И в тот же день получил этим самым букетом по физиономии. Да так, что мама не горюй.

Как выяснилось, этот старый козёл решил со вкусом надо

мною подшутить: у моей медсестры была лютая аллергия на пионы.

Мстить такому человеку было откровенно опасно. А то ещё напишет в своём заключении, что у меня вялотекущая шизофрения или психопатия, и иди потом доказывай, что ты просто отоларинголог с чутким эго.

Кстати, на тот момент Николай Леонидович периодически исполнял обязанности заместителя главного врача по клинико-экспертной работе. Шёл мой шестой месяц в поликлинике. Я уже немного освоился, переставал паниковать при виде заполнения карт, но впереди маячило одно страшное, катастрофическое слово — «аттестация». Для молодого специалиста это звучало как смертный приговор: комиссия из строгих поликлинических ветеранов, горы отчётов и бесконечный допрос по протоколам лечения.

И вот именно тогда я впервые по-настоящему понял, насколько мой коллега-психиатр душевный и глубокий человек. Николай Леонидович меня просто и элегантно вытащил.

В день аттестации я сидел перед комиссией с мокрыми ладонями и замирающим сердцем. Главврач, строгая дама в очках с толстыми линзами, уже открыла мой скромный отчёт и приготовилась задавать каверзные вопросы по дифференциальной диагностике редких патологий горла. Атмосфера в кабинете сгущалась.

И тут подал голос Николай Леонидович, сидевший по правую руку от председателя:

— Коллеги, дозвоьте пару слов про Константина Александровича, — произнёс он с максимально уважительной, глубокомысленной интонацией. — Молодой специалист демонстрирует редкое для нашего времени качество — феноменальную стрессоустойчивость и психологическую гибкость. Вы бы видели, с каким олимпийским спокойствием он справляется с... эм... повышенной импульсивностью отдельных сотрудников нашего коллектива. Человек не просто лечит уши и носы, он гасит конфликты одним лишь присутствием. Нам такие хладнокровные кадры в первичном звене нужны как воздух.

Главврач поверх очков посмотрела сначала на Николая Леонидовича, потом на меня, а затем, видимо, вспомнила Светлану Алексеевну, чью ярость и крутой нрав в поликлинике знали абсолютно все. В её глазах промелькнуло нечто похожее на искреннее сочувствие к молодому доктору.

— Что ж... Сохранять рассудок в нашем коллективе — это действительно важный навык, — кивнула главврач и подписала аттестационный лист без единого дополнительного вопроса.

Выйдя в коридор, я перевёл дыхание и посмотрел на Николая Леонидовича. Тот лишь хитро улыбнулся и тихо сказал:

— Считай, что мы в расчёте за пионы.

Я был искренне благодарен Николаю Леонидовичу, но этот случай всё равно нас особо не сблизил. Зато установил-

ся некий паритет. Он наконец-то начал считать меня за полноценного врача, да и я сам стал косячить куда меньше. За первый год работы я заметно вырос как специалист — не без помощи, конечно, моей дорогой Светланы Алексеевны, с которой мы всё-таки нашли общий язык.

Крутой поворотный момент в наших отношениях произошёл через два года после знакомства.

Снежана готовилась к первому классу. Ей исполнилось шесть, но чтение и письмо ей катастрофически не давались. Буквы будто упрямились, путались у неё в голове и никак не складывались в слова. Мы с Алией изрядно издёргались. Мысли в голову лезли самые мрачные: РАС? ЗПР? СДВГ? Или, не дай бог, что-то ещё страшнее? Как назло, в таких ситуациях врачебный диплом не помогает, а только мешает — ты начинаешь искать патологию там, где её и в помине нет.

В итоге, переступив через гордость и страх, я попросил Николая Леонидовича посмотреть нашу девчонку.

Он пришёл к нам вечером. Без халата, без бланков и строгой профессорской мины — просто с пакетом эклеров и сдержанной улыбкой. Пока Алиа на кухне наливала чай, едва сдерживая дрожь в руках, Николай Леонидович сел на ковёр в детской и попросил Снежану показать её любимые книжки и рисунки.

Никаких скучных тестов. Они просто листали сказки, о чём-то тихо болтали, собирали пазл и рассматривали картинки. Николай Леонидович наблюдательским глазом сле-

дил за тем, как Снежана держит карандаш, как наклоняет голову, когда пытается разобрать заголовок, и как быстро устают её глаза.

Спустя полчаса он вышел на кухню, аккуратно закрыл за собой дверь, взял чашку чая и посмотрел на нас, бледных и сидевших как на иголках:

— Ну что, «коллега»... Насчёт ЗПР, СДВГ и прочих страшных аббревиатур из интернета можете выдохнуть. Девочка у вас умная, сообразительная и абсолютно сохранная.

— А почему тогда не читает? Почему буквы зеркалит? — выдохнула Алия.

— А потому, — Николай Леонидович повернулся ко мне и постучал пальцем по моему лбу, — что кое-кто у нас отоларинголог, а элементарного не видит. Костя, ты когда её последний раз к офтальмологу водил? Настоящему, а не для галочки в медосмотре?

— В смысле?.. — обомлел я.

— В прямом. У неё банальный астигматизм. И, похоже, небольшой плюс. Она не «не хочет» читать и не «не может» сообразить — она просто видит буквенную кашу. Строчки дwoятся, глаза моментально утомляются, вот ребёнок и протестует. Какое уж тут чтение, когда перед глазами всё плывёт?

Мы с Алией сидели как обухом ударенные. На следующий же день мы повезли Снежану к хорошему детскому окулисту. Диагноз Николая Леонидовича подтвердился на все сто

процентов. Нам подобрали аккуратные розовые очки — и произошло чудо. Буквально через пару недель наша «необучаемая» дочь уже всюду читала вывески на улице и по складам разбирала сказки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.